

Check for updates

Русская литература и литературы
народов Российской Федерации

УДК 82-6

EDN UCLDUV

<https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2024-6-4-335-344>

Топика проповеди и притчи в семейной переписке В. Г. Белинского

М. Д. Кузьмина ^{✉1, 2}

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

² Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна,
191186, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, д. 18

Для цитирования:

Кузьмина, М. Д. (2024) Топика проповеди и притчи в семейной переписке В. Г. Белинского. *Журнал интегративных исследований культуры*, т. 6, № 4, с. 335–344.
<https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2024-6-4-335-344>
EDN UCLDUV

Получена 25 сентября 2024;
прошла рецензирование
15 октября 2024; принята
30 октября 2024.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © М. Д. Кузьмина (2024).
Опубликовано Российским
государственным педагогическим
университетом им. А. И. Герцена.
Открытый доступ на условиях
лицензии ССВУ-NC 4.0.

Аннотация. Изучается роль проповедника, которую молодой В. Г. Белинский играет в переписке с родными в конце 1820-х — начале 1830-х гг. Исследование показало, что он выстраивает гиперсюжет проповеди, формально разнообразя и то ослабляя, то усиливая ее — переключая регистры просьбы (в письмах к отцу), совета (к матери и брату-погодке Константину), предупреждения (к младшему брату, Никанору) и т. п. Между тем, различия между ними оказываются формальными и в конце концов иллюзорными. Он апеллирует к традициям то библейской проповеди (сочетая черты поучения и притчи), то народной мудрости. Между тем, под прикрытием того и другого развивает принципиально свой сюжет, добиваясь — за счет апелляции к указанным традициям — его убедительности для читателей. Под его пером происходит, если воспользоваться термином Ю. В. Кагарлицкого, «сакрализация» текста. Белинский, во-первых, учит родных тому же, чему и Священное Писание, напоминая и почти цитируя его. Во-вторых, говорит притчами, как это делал Христос в евангельской проповеди. Он актуализирует сюжеты притч Христа и строит свои по модели их. Вместе с тем под прикрытием библейского слова — учит по-своему, земной, житейской «мудрости». Роль учителя-проповедника дополняла и нейтрализовывала, то есть существенно облегчала роль просителя, сына и брата, в которой Белинский-эпистограф, — переживающий материальные трудности, все более серьезные проблемы со здоровьем, отчисленный из университета, не имеющий жилья, — тоже вынужден выступать перед лицом близких.

Ключевые слова: В. Г. Белинский, эпистолярный 1820–1830-х гг., семейная переписка, проповедь, притча

The topic of sermons and parables in the family correspondence of V. G. Belinsky

M. D. Kuzmina ^{✉1, 2}

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

² Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design,
18 Bolshaya Morskaya Str., Saint Petersburg 191186, Russia

For citation: Kuzmina, M. D. (2024) The topic of sermons and parables in the family correspondence of V. G. Belinsky. *Journal of Integrative Cultural Studies*, vol. 6, no. 4, pp. 335–344. <https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2024-6-4-335-344> EDN UCLDUV

Received 25 September 2024;
reviewed 15 October 2024;
accepted 30 October 2024.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © M. D. Kuzmina (2024).
Published by Herzen State
Pedagogical University of Russia.
Open access under [CC BY-NC](#)
License 4.0.

Abstract. This article examines the role of a preacher played by the young V. G. Belinsky in his correspondence with relatives in the late 1820s and early 1830s. Our study shows that he builds the hyperplot of a sermon, formally diversifying it. Weakening it at times and strengthening it at others, he switches between the registers of a request (in letters to his father), advice (to his mother and his brother Konstantin, who was the same age), warning (to his younger brother Nikanor), etc. The differences between them, however, prove formal and ultimately illusory. He alternately makes an appeal to the tradition of biblical preaching (combining the features of a lesson and a parable) and conventional wisdom. Meanwhile, by means of such appeals and under their cover, he develops a plot of his very own, making it persuasive for readers. Using the term coined by Yu. V. Kagarlitsky, Belinsky's writing manifests the 'sacralization' of the text. Firstly, he teaches his relatives something similar to what can be found in the Holy Scripture, invoking and nearly quoting it. Secondly, he speaks in parables, as Christ did in the Gospel sermon. He actualizes the plots of Christ's parables, using them as a model for the parables of his own. At the same time, he employs the biblical word to teach earthly and everyday 'wisdom' in his own special way. The role of a preaching teacher served to complement, neutralize and greatly facilitate the role of a petitioner, son and brother in which the epistolographer Belinsky — hit hard by financial difficulties, worsening health, expulsion from the university and lack of housing — also had to speak out before the loved ones.

Keywords: V. G. Belinsky, collection of letters from the 1820–1830s, family correspondence, sermon, parable

«...я благодарю тебя за присланные письма, — писала В. Г. Белинскому мать, — а более благодарю за данные нравоучения нашему семейству; я выслушиваю <их> не иначе, как вместо проповеди...» (Аскарянц и др. 1951, 90). В другом письме она тоже говорит о его эпистолярной «проповеди» и «наставлениях» (Аскарянц и др. 1951, 126), которые и готова, и не готова принимать (ср.: «...но, кажется, они не послужат в пользу...» (Аскарянц и др. 1951, 90)). «Вы, может быть, удивитесь, — замечал он, в свою очередь, — что с некоторого времени я пишу к Вам в своих письмах проповеди, все на один и тот же лад» (Белинский 1956, 88). Письмо к младшему брату-погодке Константину заключил словами: «Вот тебе <...> целая проповедь; прочти ее повнимательнее и исправься» (Белинский 1956, 51).

Обратив внимание на учительно-проповеднический характер семейных писем Белинского, Е. Ю. Тихонова справедливо указала на целый ряд причин, которыми этот характер обусловлен. Среди них, во-первых, неблагополучие в роди-

тельском доме: бедность, запои отца, растерянность матери, не справляющейся со своими обязанностями, в частности, с воспитанием младшего сына, Никанора. Во-вторых, особый авторитет старшего сына, Виссариона, завоеванный им за годы проживания вне дома (в 1825 г. он уехал из родного Чембара учиться в пензенскую гимназию, в 1829 г. — в Московский университет); сына, обнаружившего способности и подающего надежды. Наконец, в-третьих, сыграло роль и то, что он благодаря своим способностям и личным качествам с юных лет привык быть лидером. Исследовательница очень точно подметила, что отец будущего критика, при всем желании, не мог, следуя патриархальной традиции, наставлять сына («Григорий Никифорович <...> в письмах был неловок, с трудом выжимая из себя 2-3 косноязычные фразы. <...>. Безграмотность его увещаний сводила на нет их увещательный запал в отношении юноши, рано понявшего, сколь “жалок и вместе достоин презрения тот, кто не умеет нескольких строк написать правильно

и с толком» (Тихонова 2006, 14)), другие же члены семьи сами просили Белинского о руководстве. «...роль духовного главы увлекала Белинского, и, чтобы поддержать свой авторитет, он невольно брал тон многоопытного мужа...» (Тихонова 2006, 20), — подытоживала свои наблюдения исследовательница.

Действительно, письма к Белинскому всех членов семьи, за исключением отца, пестрят жалобами на домашнее неблагополучие («...живем по-прежнему, попиваем, шумим, бранимся, сраимся» (Аскарянц и др. 1951, 90), «папенька бранится с маменькою...» (Аскарянц и др. 1951, 115), «...утопает в роскоши Бахуса...» (Аскарянц и др. 1951, 147), «...пьет с месяц умеренно, после этого опять пьет запоем; тут-то мучение наше, хоть все со двора беги <...>. А от Никанорки совершенно нет никому житья, всех бьет и ругает...» (Аскарянц и др. 1951, 170) и т. п.), просьбами о помощи, совете, особенно настойчивые со стороны Константина («...прошу у тебя совета, как у истинного родного мне брата, куда мне переходить, какое место найдешь мне выгодным и приличным моему характеру, чем много одолжишь оным» (Аскарянц и др. 1951, 78), «...описавши все подробно, прошу у тебя совета...» (Аскарянц и др. 1951, 98) и т. п.), благодарностью за наставления и уверением в послушании, также особенно со стороны Константина.

И просящим, и не просящим (отцу, например) о помощи членам семьи Белинский направляет поучения. Их регистр в его эпистолярии, на первый взгляд, многообразен и варьируется в зависимости от адресата. Если в письмах к отцу это, как правило, поучение-просьба («Папенька, прошу Вас именем Самого Бога...» (Белинский 1956, 58), «Моя последняя к Вам мольба...» (Белинский 1956, 96)), то в письмах к младшему брату, послушнику родителей Никанору, — поучение-предупреждение («Исправься, а не то по моем приезде быть худу!» (Белинский 1956, 62)), а в посланиях к Константину и матери, особенно часто жалующимся на неустройство семейной жизни, — советы и собственно поучения («...не забывай моих дружеских советов...» (Белинский 1956, 61), «Вот тебе сколько наставлений!» (Белинский 1956, 61)). В действительности же различия между этими «подвидами» поучений иллюзорны. Учительные пассажи Белинского тождественны друг другу по содержанию и форме. И он сам, и его мать очень точно рецептировали их как проповеди. Они во многом выстраиваются по законам этого жанра и в традициях, испытавших его влияние древнерусских учительных посланий.

Подобно проповеднику, Белинский вводит семантическую двуплановость, раскрывая профанные (земные, ситуативные) и сакральные смыслы. Современный исследователь жанра проповеди, Т. В. Ицкович, предложила называть это «двуединством» «духовной и предметной тем» (Ицкович 2012, 65). Ю. И. Левин, исследуя структуру евангельской притчи, составной части проповеди Христа, отмечал, что, на первый взгляд, «повествуется о событиях, которые происходят (или <...> произошли) в царстве *низкой* (здесь и далее курсив авторов цитируемых сочинений. — М. К.), обыкновенной жизни», «но текст <...> имеет двойную семантику» и одновременно повествует о событиях и фактах, «...относящихся к тому, что происходит (или произойдет) <...> в приобщенной к Богу сфере реальности...» (Левин 1998, 530–531). Традиционная композиция проповеди предполагает восхождение от «предметной» темы к «духовной». Такова и логика Белинского-эпистолога.

«Предметная» тема, как правило, освещается им через призму нравственной проблематики, тем легче затем осуществляется переход к духовно-нравственным назиданиям, которые не противоречат христианским догматам, в большинстве случаев даже опираются на них и отсылают к ним. Для патриархальной семьи, и в первую очередь для набожных матери и Константина, подобные наставления должны были быть убедительны. Так, давая, казалось бы, практические советы брату в отношении службы («Больше думай, меньше говори; ни о ком не отзывайся в худую сторону; ежели совесть запрещает тебе хвалить человека, то и не хули...» (Белинский 1956, 61)) и семейного быта в неуютном отцовском доме, где, тот жаловался, его попрекают куском хлеба («Дома старайся избегать всеми мерами неудовольствий; где смолчи, где как будто не расслушал, где отойди, как будто нужно идти куда, — а когда не избежнешь, то терпи, помня, что *все к лучшему!*» (Белинский 1956, 61)), — Белинский опирается на заповеди не судить и не осуждать ближнего, тем более вышестоящего, почитать родителей. Он напоминает в подтексте письма о таких христианских добродетелях, как любовь, милосердие, смирение, кротость, терпение, послушание, безропотное несение креста; финальной подчеркнутой фразой «*все к лучшему!*» эксплицирует представление о Божьем Промысле. Отвечая Константину на очередное письмо по поводу домашнего неблагополучия, юноша видит проблему в поведении не только отца, но и матери, которой, по его убеждению, надлежит больше молчать. Он актуализирует

христианские представления, развивавшиеся, в частности, Ап. Павлом в «Посланиях», о том, что муж — глава семьи, удел и подвиг жены — терпение, смирение и любовь. О терпении Белинский пишет и ей самой, приводя убедительный для нее пример из духовной практики: «Эти Святые Отцы, эти мученики, Вами почитаемые, Вами обожаемые, *терпели*, и как же еще терпели-то» (Белинский 1956, 88). Как духовный врач, подражая Христу, он определяет ее «болезнь» и старается, «проповедуя», указать ей пути «излечения».

В эпистолярной проповеди Белинского нередки как аллюзии и реминисценции, отсылающие к Священному Писанию, так и прямые цитаты. Ср.: «Любезная сестрица, Александра Григорьевна! <...> умоляю тебя: <...> старайся образовывать твою душу и сердце и украшать их теми прекрасными, истинными нарядами, без которых человек не есть человек! (отсылка к «Первому соборному посланию» Св. Ап. Петра, в котором он учит «жен»: «Да будет украшением вашим не внешнее плетение волос, не золотые уборы, или нарядность в одежде, но сокровенный сердца человек в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа, что драгоценно пред Богом» [1 Пет. 3: 3–4]. — М. К.). <...>. *Имеющие уши слышать да слышат!*» (Белинский 1956, 62) (ср. в Евангелии: «Кто имеет уши слышать, да слышит!» [Мф. 13: 9; также: Лк. 8: 8]). В цитированном выше письме к матери, проповедуя терпение, молодой эпистолограф заключал: «Если слова мои будут *глас вопиющего в пустыне*, то — Бог с Вами!» (Белинский 1956, 88), — цитируя Евангелие. За счет этих явных и неявных отсылок к Библии, очень характерных для жанра проповеди (см. подр., напр.: Кагарлицкий 1999а; Куклев 2012), текст, в ее традициях, обретал сакральность и действенность. Белинский прибег к тому приему, который Ю. В. Кагарлицкий в свое время очень точно назвал приемом сакрализации (Кагарлицкий 1999b). В традициях проповеди (это, как известно, одна из ее главных целей) он «прилагал» учение Церкви к повседневным обстоятельствам, учил, как жить по Евангелию. В традициях проповеди, и превозносился над адресатами, потому что учил, и не превозносился, потому что делал это как бы не от себя, а лишь напоминая Писание. Этот актуализируемый им христианский «топос смирения», характерный для проповеди (Розанова 2000, 229), мог поспособствовать ее максимальной действенности под пером Белинского, защищая ее от возможных претензий со стороны родителей к сыну, который дерзнул нарушить иерархию семейных отношений.

Между тем, под пером Белинского слово проповеди не просто традиционно амбивалентно — оно предельно амбивалентно. Актуализируя «топос смирения», говоря как бы «не от себя», а лишь напоминая догматы Писания (ср. наблюдение Н. Н. Розановой в связи со структурой христианской проповеди: «...не только рассказ, но и другие жанры в составе проповеди представляют собой, по сути дела, напоминание» (Розанова 2000, 238)), молодой эпистолограф в действительности говорит «от себя» больше, чем другие проповедники*, но делает это неочевидным образом. Очень наглядный пример — строки из письма к отцу о Никаноре. Казалось бы, их автор просто напоминает адресату, в традициях проповеди, евангельскую притчу о Сеятеле («Семена, брошенные на землю, мягкую и нежную, принимаются скоро...» (Белинский 1956, 50)) и одновременно о пшенице и плевелах («...и ежели от них вырастут плевелы, то трудно будет вырвать их...» (Белинский 1956, 50)). Ср.: «...вышел сеятель сеять семя свое, и когда он сеял, иное упало при дороге и было потоптано, и птицы небесные поклевали его; а иное упало на камень и, взойдя, засохло, потому что не имело влаги; а иное упало между тернием, и выросло терние и заглушило его; а иное упало на добрую землю и, взойдя, принесло плод сторичный» [Лк. 8: 5–8], «...Царство Небесное подобно человеку, посеявшему доброе семя на поле своем; когда же люди спали, пришел враг его и посеял между пшеницею плевелы и ушел; когда взошла зелень и показался плод, тогда явились и плевелы» [Мф. 13: 24–26]. Под пером эпистолографа происходит контаминация сюжетов этих двух евангельских притч. Христианские проповедники обычно библейские притчи не соединяют, хотя и запрета на это нет. Тем более что Белинский не искажает текст Священного Писания. В обеих притчах речь идет о душах, восприимчивых к Слову Божьему и приносящих добрые плоды, и о душах невосприимчивых, страстных (ср. толкование Св. Феофилакта Болгарского: Феофилакт Болгарский 2010а, 44–45; 2010b, 72–73). Но неувовимо для адресата, обманутого этим видимым соответствием эпистолярного текста библейскому, автор превышает полномочия проповедника.

* Впрочем, традиция репрезентации своей, секулярной проповеди «под прикрытием» библейских аллюзий сложилась еще в Петровскую эпоху, когда, по характеристике Ю. В. Кагарлицкого, «призыв к благочестию» мог приобретать «и индивидуально-дидактический, и политический смысл», «благочестие» находилось на службе у «политики» (Кагарлицкий 1999а, 15).

Контаминируя, он перестраивает и, в сущности, пересоздает библейский текст, подменяет обе контаминированные евангельские притчи одной своей, которую пишет как бы поверх них. Трансформация исходного сюжета подготавливается уже характеристикой «земли». По Белинскому, она «мягкая и нежная». «Приспосабливая» сакральный план евангельской притчи к актуальному для их семьи профанному, он подразумевает, конечно же, возраст своего брата — его юную и потому восприимчивую душу. Радикальная же трансформация евангельского текста следует далее — эпистолограф переписывает притчу о Сеятеле на свой манер, развивая отсутствующую там сюжетную линию. Он повествует о том, что «мягкая и нежная» почва восприимчива как к доброму, так и к злему, поэтому без должного попечения о ней на ней могут вырасти «плевелы», которые «трудно будет вырвать»: «...они принесут плоды горькие, колючие и терниями своими будут колоть того, кто мог, но не хотел их вырвать тогда, это еще можно было сделать. Что если эти тернии впоследствии будут колоть самого его, и он, не имея столько душевной твердости, чтобы подавить боль, самому себе причиняемую, затаить обо всех своих страданиях, будет некогда обвинять Вас — каково Вам тогда будет?» (Белинский 1956, 50). Как можно видеть, Белинский постарался максимально убедительно нарисовать страшную картину, подчеркнув, что страдать будет и Никанор, терзаемый «горькими» и «колючими» (двойное страдание) «терниями», на тот момент уже неискоренимыми, — и виновники этого, его родители, причем тоже вдвойне: им будет трудно видеть мучения сына и невыносимо слышать его упреки. Усиливая убедительность своей «проповеди», автор письма в завершение еще раз актуализирует библейскую традицию: «Да не покажутся вам слова мои слишком смелыми: источник их есть моя горячая любовь к Никанору...» (Белинский 1956, 50). Во-первых, введен «топос любви», причем братской, актуализирующий христианскую традицию. Во-вторых, в самом построении фразы узнаваема модель многих библейских, ср.: «Кто имеет уши слышать, да слышит!» [Мф. 13: 9; Лк. 8: 8], «Так да светит свет ваш пред людьми...» [Мф. 5: 16], «И сказал Бог: да будет свет» [Быт. 1: 3] и т. п. В Священном Писании это форма, в которую облачается Слово Божие, так что она должна восприниматься, ассоциируясь с неоспоримо авторитетным высказыванием.

В другом письме, к матери, Белинский, опять в связи с Никанором, отсылает к той же притче

о Сеятеле — и одновременно и по большей части к своей притче, которую создал на основе евангельской в письме к отцу. «Что же касается до Никанора, — «проповедует» он на этот раз, — то об нем я теперь ничего не хочу ни писать, ни говорить, ибо мой голос тщетно вопиет в пустыне, скажу только, и в последний раз, что посеянное взойдет и плоды будут горьки для сеятеля» (Белинский 1956, 65). Это даже не столько отсылка к его собственной притче, сколько она сама, ее сюжет в свернутом виде («...посеянное взойдет, и плоды будут горьки для сеятеля»), с сохранением всей ее семантической полноты и возможностью легко развернуть его, вспомнив содержание письма к отцу. Проповедь «от себя» опять прикрыта двойной отсылкой к Священному Писанию — к притче о Сеятеле и к словам Христа о «гласе вопиющего в пустыне». Повторяя их, Белинский вновь говорил «именем Самого Бога».

Как можно видеть, под пером эпистолографа от письма к письму выстраивается гиперсюжет проповеди, очень целостной, последовательной (о воспитании Никанора, о стяжании терпения, добродетели, в которой Белинский видит основу мира в семье, и т. п.), и в его составе гиперсюжет притчи, что сообщало этой проповеди, наверное, предельно возможную убедительность. Тем более что молодой автор вновь опирался на библейскую традицию — в основе Евангелия лежит гиперсюжет проповеди Христа.

Но эпистолярная проповедь Белинского вновь обнаруживает амбивалентность. Казалось бы, подражая Самому Христу, — он нарушает традиции христианской проповеди.

Белинский подражает Христу, говоря притчами, включая их в свою проповедь. Он это, в сущности, делает, когда перестраивает сюжеты евангельских притч, как в вышерассмотренных письмах к отцу и матери о Никаноре и «терниях», которые могут вырасти на «мягкой и нежной» почве его души. Не менее интересны случаи, когда молодой автор не опирается напрямую на содержание евангельской притчи, но создает свою по ее модели, сохраняя такие основополагающие черты жанра, как аллегоричность, сюжетность, тесную связь с поучением, которое, собственно, и иллюстрируется, подкрепляется притчей, и т. п. «Утешай маменьку и сам не печалься» (Белинский 1956, 38), — наставляет Белинский брата Константина. И сразу переходит от поучения к притчевому сюжету: «Облака для того покрывают небо, чтобы с большим великолепием явилось солнце, так и горести: стерпится — слюбится» (там же). В общем контексте гиперсюжета эпистолярной

проповеди Белинского подобные фрагменты воспринимаются как притчевые.

В обоих случаях — и когда молодой автор перестраивает евангельские притчи, и когда по их модели создает свои, — он превышает полномочия христианского проповедника. Ученики и последователи Христа, как правило, не говорили притчами — лишь напоминали и толковали евангельские, хотя и могли прибегнуть для этого к образно-эмоциональному языку (м. подр., напр.: Сибирева 2008, 18–23). Они стремятся к действенности и убедительности своего слова, чтобы через него актуализировать в сознании реципиентов Слово Божие, побудить жить согласно учению Церкви. Конечная цель их проповеди, таким образом, полностью совпадает с целью проповеди Христа — это духовное преуспевание и спасение души.

Принципиальное расхождение Белинского с гомилетической традицией в том, что он останавливается на первой ступени: стремится (именно через актуализацию этой традиции) к действенности и убедительности только своего слова, не ведя через него к слову Божьему. Ему нужно, чтобы ему внимали и жили так, как он учит. Впрочем, он зачастую склонен проповедовать в евангельском духе — не только потому, что это повышает убедительность его речи, но и потому, что многие христианские добродетели не противоречат его убеждениям. Так что сближение его и евангельского слова в основном случайно, поверхностно и временно.

Внук священника и сын уездного лекаря-скептика, Белинский прекрасно знал Священное Писание, но не положил его в основание своей жизни. На упрек матери в одном из первых писем после его переезда в Москву, состоявший в том, что он посещает театры и не посещает храмы, а она просит его бывать там и молиться, юноша раздраженно ответил, что все разговоры с ним на эту тему бесполезны; в другом письме к ней сделал многозначительную оговорку: «...клянусь Вам Вашим Богом...» (Белинский 1956, 95). В цитированных посланиях к родителям о Никаноре Белинский обеспокоен не только духовным воспитанием младшего брата, а его воспитанием как таковым. Ему писали из дома, например, и о том, что Никанор забросил учебу. Точно так же, призывая сестру Александру «украшать» «душу и сердце» «прекрасными, истинными нарядами», молодой эпистолограф имеет в виду не только духовные, но и светские «добродетели», поскольку не преминул, например, отметить: «Читай книги, будь всегда в обществе благородном, образованном <...>. Учись...» (Белинский 1956, 62). Аналогично и в про-

поведи к брату Константину. Наставляя его: «...ежели совесть запрещает тебе хвалить человека, то и не хули...», — автор письма прибавляет: «...знай про себя, кто худ и кто хорош» (Белинский 1956, 61), — что уже и само по себе противоречит Божьей заповеди любить и не осуждать ближнего. Но дальше Белинский поясняет: «Чрез это ты избежешь многих неудовольствий» (Белинский 1956, 61). Понятно, что главная цель его «проповеди» — успешная служба брата, земное, а отнюдь не духовное преуспевание*. В большинстве случаев не противоречащие библейским и предельно с ними сближенные по содержанию и форме, а потому поддерживаемые ими, наставления Белинского должны были иметь тем больший успех.

На действенность проповеди Белинского работало и то, что он сохранил основные элементы жанра: исходную двучастную структуру (поучение, притча), составные жанровые элементы проповеди (поучение, наставление, обличение, предостережение и пр. (см. о них подр., напр.: Розанова 2000, 228–237), актуализировал принципы бинарности и симметрии (см. о них подр., напр.: Прохвятилова 2011, 10) и т. п., — но направил все в нужное ему русло. В частности, по-своему репрезентировал характерную для притчи сюжетную альтернативу, ставящую реципиента в принципиальную для христианского сознания ситуацию выбора (ср. евангельские притчи с «альтернативным» сюжетом: о блудном сыне, о мытаре и фарисее, о построившем свой дом на камне и на песке и т. п.) и недвусмысленно указывающую, какой из двух намеченных путей правильный. «Моральная ответственность *выбора* и ценностного отношения к этому выбору со стороны рассказчика и слушателей, — справедливо указывал В. И. Тюпа, — составляет семантическое ядро притчи...» (Тюпа 2014, 37), «но внутренняя активность адресата при этом остается регламентированной, притчевый дискурс не предполагает внутренне свободного, произвольного отношения к сообщаемому. Сомнение в правильности поведения отца из притчи о блудном сыне немедленно разрушило

* Когда Христа спросили о земном, он показал, что не стоит беспокоиться об этом. Ср.: «Некто из народа сказал Ему: Учитель! скажи брату моему, чтобы он разделил со мною наследство. Он же сказал человеку тому: кто поставил Меня судить или делить вас? При этом сказал им: смотрите, берегитесь любостыжания, ибо жизнь человека не зависит от изобилия его имения» [Лк. 12: 13–15]. По толкованию Св. Блаж. Феофилакта Болгарского, «...чтобы научить нас, как мало должно радеть о житейском и заниматься земным, Господь отсылает от Себя того, кто просил Его распоряжения о разделе отцовского наследства...» (Феофилакт Болгарский 2010b, 75).

бы коммуникативную ситуацию учительного слова» (Тюпа 2014, 39).

Так, в соответствии с этой традицией в эпистолярной проповеди Белинского о Никаноре утверждается, что его душа — «земля мягкая и нежная», на которой, соответственно, при должном усердии родителей и послушании старшему сыну произрастут добрые плоды, в противном же случае — горькие плевелы. Аналогично — в «проповеди» об Александре (либо она будет, либо не будет «украшена» «прекрасными, истинными нарядами»), Константи́не (его выбор приведет либо к успеху, либо к неуспеху по службе, либо к миру, либо к ссорам в семье) и других членов семьи, и опять положительный результат будет лишь в случае послушания автору эпистолярной проповеди. Симптоматично, что для писем Белинского вообще очень характерны конструкции «если... то», «или... или». Ср. в послании к матери о терпении: «Если слова мои будут доступны душе Вашей, если она откликнется на них ответным звуком, тогда труды мои и желания не останутся тщетными. Если же слова мои будут *глас вопиющего в пустыне*, то — Бог с Вами! По крайней мере, я буду утешать себя мыслью, что я выполнил свой долг, сделавши с своей стороны все, что только мог сделать» (Белинский 1956, 88). Актуализируется ситуация проповеди Самого Христа и его учеников, которую испокон веков кто-то из слушавших ее принимал и духовно преуспевал, кто-то — нет.

При этом, в евангельской традиции, каждому из намеченных альтернативных путей дается морально-этическая и духовно-нравственная оценка, так что реципиент видит, какой выбор в той или иной ситуации правильный. Письма Белинского к родным вообще изобилуют словами морально-этической оценки (ср. в письме к Константину: «...ты ведешь свой дневник — это доброе дело! <...>. У вас там все свадьбы — это доброе дело» (Белинский 1956, 98)). Один из современных исследователей жанра проповеди, Н. Н. Розанова, считает такие слова основной лексической особенностью религиозного дискурса (Розанова 2000, 235). Другой, Т. В. Ицкович, отмечает, что «учительная тональность эксплицируется в тексте проповеди через глагольные конструкции, выражающие идею долженствования <...>. Указания на то, как надо думать и действовать в той или иной ситуации, <...> создают ядро поля учительной тональности текста проповеди. Данный вид тональности также реализуется и другими средствами, например, с помощью уверенной констатации и полного отсутствия субъективной модаль-

ности предположения, колебания, сомнения, неуверенности» (Ицкович 2007, 21). Письма Белинского к родным изобилуют, в традициях проповеди, императивными формами, конструкциями долженствования, репрезентирующими его уверенность в том, что необходимо и правильно действовать так, как он учит (ср.: «Мы должны беспрестанно учиться, из всего извлекать полезные уроки. Самые удовольствия и забавы наши должны быть соединены с пользою» (Белинский 1956, 22), «...они (речь о родителях. — М. К.) должны дышать для детей своих, стараться образовать из них добрых граждан для отечества, — это закон природы, закон Бога и самих людей» (Белинский 1956, 78)). Назидательная сентенция под его пером нередко выражается в афористической форме, что аутентично для проповеди (см. подр.: Прохватилова 2011, 10). Но интересно, что под пером Белинского одновременно актуализируется проповедническая, евангельская — и вполне секулярная, пословичная традиция. Так репрезентированное, поучение легче запоминается и лучше убеждает, поскольку апеллирует одновременно и к сверхавторитету библейского слова, и к авторитету народной мудрости. Вместе с тем нетрудно заметить очень секулярное и личное содержание сентенций, прикрытое обеими традициями. Это умозаключения самого Белинского (напр.: «Плохой тот солдат, который рассуждает вместо того, чтобы слепо повиноваться» (Белинский 1956, 60), «Есть счастье и в несчастьи...» (Белинский 1956, 93), «...любовь не <в> словах и письмах, а в душе и сердце» (Белинский 1956, 99), «...где нельзя помочь делом, там должно молчать» (Белинский 1956, 105) и т. п.), плоды его эмпирического опыта.

Любопытно проследить процесс рождения этих сентенций, визуализированный в ряде писем. Например, в следующих строках сначала введен автобиографический дискурс: «Не только не жалею я на мои несчастья, но еще радуюсь им: собственным опытом узнал я, что...» (Белинский 1956, 104), — вслед за чем представлена афористичная сентенция, извлеченная из этого опыта: «...школа несчастья есть самая лучшая школа» (Белинский 1956, 104). Автор эпистолярной проповеди тем самым убеждает адресатов, что имеет на нее право, она не голословна, он многое в жизни извещал. Таким образом, актуализация учительного дискурса в связке с автобиографическим должна обеспечить убедительность и действенность слова Белинского не в меньшей степени, чем апелляция к библейской традиции. Тем более что

последняя, ведущая в гиперсюжете его эпистолярной проповеди, не теряет актуальности, и афористичные сентенции, при всей их неотделимости от эмпирического опыта автора, воспринимаются в ее отсвете.

Схожим образом в гиперсюжете эпистолярной проповеди Белинского развивается профетический мотив. Один из основных в библейском дискурсе (ср. «Книги пророческие» в составе Священного Писания: «Книга пророка Исаии», «Книга пророка Иеремии» и мн. др.; пророческое слово Христа в Евангелии), он под его пером вербализуется как профанный и ситуативный, в тесной связи с эмпирикой жизни: «Мной не на шутку начинают овладевать какие-то зловещие предчувствия» (Белинский 1956, 87), «Я давно предвидел...» (Белинский 1956, 76), «Я предвижу...» (Белинский 1956, 77) и т. п. То, о чем идет речь, как будто не выходит за границы обычного человеческого опыта, тем более что эти «предчувствия» и «предвидения» относятся к домашним обстоятельствам. Но эти «предчувствия» и «предвидения», непременно «зловещие» и «ужасные» (Белинский 1956, 77), эпистолограф подчеркивает, сбываются. В общем библейском контексте эпистолярной проповеди они воспринимаются как сбывающиеся пророчества. Белинский то и дело констатирует: «Я давно предвидел, что рано или поздно, а уж должно было случиться с папенькой что-нибудь подобное» (Белинский 1956, 76) и т. п. Это ставит его в положение духовного главы семьи, заботящегося о ее благополучии и получившего от Бога дары пророчества и проповеди для попечения о ней. Сбывающиеся пророчества, репрезентируемые всего лишь как «предчувствия» и «предвидения», актуализируют «топос смирения», очень характерный для духовной, в том числе учительной традиции, и позиционирующий пишущего как стяжавшего эту важнейшую христианскую добродетель и преуспевающего в духовной жизни. Следовательно, имеющего право учить и вести за собой других.

Проповедническая линия эпистолярного сюжета Белинского, столь развернутая и углубленная, подкреплена авторитетом библейской

традиции и поддержанная апелляцией к народной мудрости, «уравновешивала» линию просительную, которая давалась самолюбивому юноше с трудом. Переехав в Москву, он решает постоянные материальные проблемы, усугубляемые проблемами со здоровьем, исключением из университета и т. п. Один из лейтмотивов его писем — деньги. И просить родных о помощи, и переживать игнорирование ими этих просьб (отец был скуп и беден, другие члены семьи практически не имели своих средств) ему было сложно. Роль учителя-проповедника, сменявшая и нейтрализовывавшая роль просителя, как очевидно, реабилитировала его в собственных глазах. Смена этих двух эпистолярных ролей, кроме того, актуализировала романтический сюжет, с характерной для него идеей «двоемирия» и антитезой материального и идеального, где первое ничтожно, а второе бесценно, — то есть ставила молодого автора в положение романтического героя, несомненно, очень лестное для него. Романтизм переживал свой расцвет в русской литературе. Белинский следил за ее развитием: в ходе развертывания переписки он профессионально самоопределяется, избирая поприще литературного критика. И на этом поприще продолжит переживать антитезу материального (нужда) и идеального (осознание своего таланта и отчасти реализацию в литературно-критической деятельности интенций учителя-проповедника). Семейная же его переписка оборвется к середине 1830-х гг. в связи с произошедшими почти одновременно событиями — смертью родителей, переездом к нему в Москву на воспитание Никанора, жеманницей Константина и замужеством Александры.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Источники

- Аскарянц, А. В., Ланской, Л. Р., Мордовченко, Н. И. (1951) Переписка Белинского с родными. В кн.: *Литературное наследство. Т. 57. В. Г. Белинский. Ч. 3*. М.: Изд-во АН СССР, с. 27–240.
- Белинский, В. Г. (1956) Письма. 1829–1840. В кн.: *Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 11*. М.: Изд-во АН СССР, 718 с.

Литература

- Ицкович, Т. В. (2007) *Православная проповедь как тип текста. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата филологических наук*. Екатеринбург, Уральский государственный университет им. А. М. Горького, 24 с.
- Ицкович, Т. В. (2012) Идиостиль православных проповедников в рамках категориально-текстовой концепции. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, № 6 (17), с. 64–68.
- Кагарлицкий, Ю. В. (1999а) *Риторические стратегии в русской проповеди переходного периода, 1700–1775 гг. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата филологических наук*. М., Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН, 22 с.
- Кагарлицкий, Ю. В. (1999b) Сакрализация как прием: ресурсы убедительности и влиятельности имперского дискурса в России XVIII века. *Новое литературное обозрение*, № 4 (38), с. 66–77.
- Куклев, В. В. (2012) Проповедь в гомилетике и лингвистике. *Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского*, № 27, с. 302–307.
- Левин, Ю. И. (1998) Структура евангельской притчи. В кн.: *Избранные труды. Поэтика. Семиотика*. М.: Языки русской культуры, с. 520–541.
- Прохватилова, О. А. (2011) Выразительные средства современной православной проповеди. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание*, № 1 (13), с. 7–13.
- Розанова, Н. Н. (2000) Коммуникативно-жанровые особенности храмовой проповеди. В кн.: Т. Н. Григорьева (ред.). *И. А. Бодуэн де Куртенэ. Ученый. Учитель. Личность. Доклады научно-практической конференции «Лингвистическое наследие И. А. Бодуэна де Куртенэ на исходе XX столетия»*. Красноярск: Изд-во Красноярского государственного университета, с. 227–239.
- Сибирева, М. В. (2008) *Проповедь митрополита Филарета (Дроздова) в русской литературе: особенности жанра и стиля. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата филологических наук*. Тамбов, Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина, 25 с.
- Тихонова, Е. Ю. (2006) *Человек без маски. В. Г. Белинский. Грани творчества*. М.: Совпадение, 279 с.
- Тюпа, В. И. (2014) Нарративная стратегия притчи в литературной традиции. В кн.: Е. Н. Проскурина, И. В. Силантьев (ред.). *Притча в русской словесности: от Средневековья к современности*. Новосибирск: Изд-во Новосибирского национального исследовательского государственного университета, с. 34–78.
- Феофилакт Болгарский (2010а) *Толкование на Святое Евангелие Блаженного Феофилакта Болгарского: в 2 т. Т. 1. Толкование на Евангелия от Матфея и от Марка*. М.: Сибирская Благовонница, 229 с.
- Феофилакт Болгарский (2010b) *Толкование на Святое Евангелие Блаженного Феофилакта Болгарского: в 2 т. Т. 2. Толкование на Евангелия от Луки и от Иоанна*. М.: Сибирская Благовонница, 375 с.

Sources

- Askaryants, A. V., Lanskoj, L. R., Mordovchenko, N. I. (1951) Perepiska Belinskogo s rodnymi [Belinsky's correspondence with relatives]. In: *Literaturnoe nasledstvo. T. 57. V. G. Belinskij. Ch. 3 [Literary heritage. Vol. 57. V. G. Belinsky. Pt. 3]*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., pp. 27–240. (In Russian)
- Belinsky, V. G. (1956) Pis'ma. 1829–1840 [Letters. 1829–1840]. In: *Polnoe sobranie sochinenij: v 13 t. T. 11 [Complete works: In 13 vols. Vol. 11]*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 718 p. (In Russian)

References

- Itskovich, T. V. (2007) *Pravoslavnaya propoved' kak tip teksta [Orthodox sermon as a type of text]. Extended abstract of the PhD dissertation (Philology)*. Ekaterinburg, A. M. Gorky Ural State University, 24 p. (In Russian)
- Itskovich, T. V. (2012) Idiostil' pravoslavnykh propovednikov v ramkakh kategorial'no-tekstovoj kontseptsii [Individual style of Orthodox preachers within framework of categorical-text conception]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki — Philology. Theory & Practice*, no. 6 (17), pp. 64–68. (In Russian)
- Kagarlitskij, Yu. V. (1999a) *Ritoricheskie strategii v russkoj propovedi perekhodnogo perioda. 1700–1775 [Rhetorical strategies in the Russian preaching of the transitional period: 1700–1775]. Extended abstract of the PhD dissertation (Philology)*. Moscow, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, 22 p. (In Russian)
- Kagarlitskij, Yu. V. (1999b) Sakralizatsiya kak priem: resursy ubeditel'nosti i vliatel'nosti imperskogo diskursa v Rossii XVIII veka [Sacralisation as a tool: The resources of persuasiveness and influence of the imperial discourse in XVIII-century Russia]. *Novoe literaturnoe obozrenie — New Literary Observer*, no. 4 (38), pp. 66–77. (In Russian)
- Kuklev, V. V. (2012) Propoved' v gomiletike i lingvistike [Sermon in homiletics and linguistics]. *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. G. Belinskogo*, no. 27, pp. 302–307. (In Russian)
- Levin, Yu. I. (1998) Struktura evangel'skoj pritchi [Structure of the evangelical parable]. In: *Избранные труды. Поэтика. Семиотика [Selected works: Poetics. Semiotics]*. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury Publ., pp. 520–541. (In Russian)

- Prokhvatilova, O. A. (2011) Vyrizitel'nye sredstva sovremennoj pravoslavnoj propovedi [Expressive means of contemporary Orthodox sermon language]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie — Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, no. 1 (13), pp. 7–13. (In Russian)
- Rozanova, N. N. (2000) Kommunikativno-zhanrovye osobennosti khramovoj propovedi [Communicative and genre features of the temple sermon]. In: T. N. Grigor'eva (ed.). *I. A. Boduen de Kurtene. Uchenyj. Uchitel'. Lichnost'. Doklady nauchno-prakticheskoy konferentsii "Lingvisticheskoe nasledie I. A. Boduena de Kurtene na iskhode XX stoletiya" [I. A. Baudouin de Courtenay. Scientist. Teacher. Personality. Reports of the scientific and practical conference "The linguistic heritage of I. A. Baudouin de Courtenay at the end of the 20th century"]*. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University Publ., pp. 227–239. (In Russian)
- Sibireva, M. V. (2008) *Propoved' mitropolita Filareta (Drozdova) v russkoj literature: osobennosti zhanra i stilya [Sermon of metropolitan Philaret (Drozdov) in Russian literature: Features of genre and style]. Extended abstract of the PhD dissertation (Philology)*. Tambov, Tambov State University named after G. R. Derzhavin, 25 p. (In Russian)
- Theophylact of Ohrid (2010a) *Tolkovanie na Svyatoe Evangelie Blazhennogo Feofilakta Bolgarskogo: v 2 t. T. 1. Tolkovanie na Evangeliya ot Matfeya i ot Marka. [The explanation of the Holy Gospel by Blessed Theophylact: In 2 vols. Vol. 1. The Explanation of the Gospels according to Matthew and to Mark]*. Moscow: Sibirskaya Blagozvonitsa Publ., 229 p. (In Russian)
- Theophylact of Ohrid (2010b) *Tolkovanie na Svyatoe Evangelie Blazhennogo Feofilakta Bolgarskogo: v 2 t. T. 2. Tolkovanie na Evangeliya ot Luki i ot Ioanna [The explanation of the Holy Gospel by Blessed Theophylact: In 2 vols. Vol. 2. The Explanation of the Gospels according to Luke and to John]*. Moscow: Sibirskaya Blagozvonitsa Publ., 375 p. (In Russian)
- Tikhonova, E. Yu. (2006) *Chelovek bez maski. V. G. Belinskij. Grani tvorchestva [A man without a mask. V. G. Belinsky: The facets of his creativity]*. M.: Sovpadenie Publ., 279 p. (In Russian)
- Tyupa, V. I. (2014) Narrativnaya strategiya pritchi v literaturnoj traditsii [The narrative strategy of the parable in literary tradition]. In: E. N. Proskurina, I. V. Silant'ev (eds.). *Pritcha v russkoj slovesnosti: ot Srednevekov'ya k sovremennosti [Parable in Russian literature: From the Middle Ages to the present]*. Novosibirsk: Novosibirsk National Research State University Publ., pp. 34–78. (In Russian)

Сведения об авторе

Марина Дмитриевна Кузьмина

SPIN-код: 8660-1451, Scopus AuthorID: 57221906040, e-mail: mdkuzmina@mail.ru

Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры книгоиздания и книжной торговли Высшей школы печати и медиатехнологий Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна, доцент кафедры русской литературы Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена

Author

Marina D. Kuzmina

SPIN: 8660-1451, Scopus AuthorID: 57221906040, e-mail: mdkuzmina@mail.ru

Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Book Publishing and Book Trade Department, Higher School of the Press and Media Technologies, Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

Associate Professor, Department of Russian Literature, Herzen State Pedagogical University of Russia